

— Обстановка в университете внешне оставалась без изменений, хотя все, разумеется, знали об изгнании Гострема из КМИО. Главные враги Гострема - Лёша Кочемировский, прежде всего, жена его Лена Пивоварова, Серёжа Лебле, да и вся их кафедра теоретической физики - продолжали свою борьбу с его "экспериментом" по преподаванию общей и теоретической физики, выступая на всевозможных методических комиссиях и обсуждениях учебных планов, но без явных успехов. Они тщетно пытались привлечь на свою сторону гостремовских сотрудников - моих коллег: Латышева, Захарова, Смертина, но те при всей своей нелюбви к Гострему ни в какую борьбу не ввязывались, почему-то их не вдохновлял даже наш успех в обсерватории. К тому же они недолюбливали Кочемировского. Лёша часто не был достаточно дипломатичен и ставил ребят на одну доску с Гостремом, чем только отталкивал их от себя.

— Такие лбы, громилы, твои Латышев, Смертин, здоровенные мужики, а трусят как бабы. Чего они так Гострема боятся? - высказывал мне своё недоумение Кочемировский.

— Так они же все ещё незащищённые. Не хотят портить с Гостремом отношения, чтобы он не навредил при защите, - заступался я за своих друзей.

— Вот и надо его изгнать, чтобы он нигде не вредил, - возражал Лёша.

— Да что ты мне это говоришь. Я всё прекрасно понимаю, но заставить действовать своих бойцов не могу. Они считают, что без поддержки ректора с Гостремом не справиться. Нам, мол, Лобачевский помог, а в университете наверху таких людей нет.

— Да брось ты их защищать. Жлобы они просто-напросто, вот и всё, - безапелляционно заключал Лёша.

— Отчасти я с ним был согласен. Ребята трусоваты и просто так конфликтовать с Гостремом не будут. Но и на его сторону не встанут, если за него как следует возьмутся. Вот только кто же должен взяться? Бойцы мои считали: разумеется, ректор, кто же ещё? А иначе шансов никаких, бесполезная нервотрёпка. Но ведь и Лобачевский ничего не пытался сделать пока не было инициативы снизу. Вот этой инициативы низов, непосредственно подчинённых Гострему, и не хватало в университете, а ректор (тогда им был некто Борисов) согласен был держать в университете Гострема за одно только профессорское звание.

Костя Латышев тем временем готовился к защите диссертации. Он не очень уверенно чувствовал себя в части геофизической интерпретации полученных результатов, его конёк - численные методы, как он считал, а защищаться приходилось по специальности "геофизика". Сказывалось, что тексты наших совместных статей писал я, а из них состояла полностью третья глава Костиной диссертации. Эту главу Костя теперь старательно изучал.

Ещё до защиты мы с ним обсуждали его будущие перспективы. Костя не прочь был бы перейти в обсерваторию, чтобы избавиться от власти Гострема. В то, что Гострема удастся изгнать и из университета, Костя совершенно не верил, а наш обсерваторский коллектив ему нравился - нормальная хоть атмосфера человеческая! Но в обсерватории возможности заработать были значительно меньше, чем в университете, где особенно выгодно было занимать штатное преподавательское место ассистента, старшего преподавателя или доцента, а по совместительству получать полставки на хоздоговорной теме в НИСе. В обсерватории же для совместительства требовалось специальное разрешение ИЗМИРАН, утверждавшееся Президиумом Академии Наук, которое было весьма непросто получить. Да и на ставку старшего научного сотрудника Косте трудно было бы рассчитывать сразу после защиты, а на место младшего научного сотрудника Костя не пошёл бы, учитывая его долги и характер жены Галки, поскольку в НИСе он и без степени получал по максимуму, почти столько же, сколько платили кандидату наук на должности эмэнэса в системе Академии Наук.

— К тому же я считал, что связи с университетом сворачивать нельзя. Гострем не вечен, а набирать новые кадры в НИС гораздо легче, чем в обсерваторию. Поэтому я полагал, что Косте нужно закрепляться в университете, возглавлять там группу людей, готовых сотрудничать с нами, вести совместные работы, как это и было до сих пор, но могло развалиться в связи с уходом Гострема из обсерватории - ведь Гострем мог и отказаться теперь от сотрудничества ЛПФ с КМИО. Не исключали мы возможности перехода Кости от Гострема на другую кафедру, быть может, даже на другой факультет - математический, ходили с ним зондировать почву на кафедру матанализа. Там Костю готовы были взять, причём вместе со всей темой: имелось в виду, что на будущее обсерватория заключит хоздоговор не с кафедрой Гострема, а с кафедрой матанализа. Это вполне устроило бы и Костю, и нас с Ивановым и Саенко, то есть обсерваторию.

— Но всё это виделось в будущем. Пока же ещё Косте надо было защититься и дожидаться утверждения степени в ВАКе. Не помню сейчас точно, в каком месяце была защита, скорее всего в мае или июне. Прошла она, можно сказать, с блеском. Некто Боеenkova, пожилая дама, сотрудница Фаткуллина, сама ещё, правда, не защитившая свою кандидатскую диссертацию, но собиравшаяся, высказала мнение, что Учёному Совету следует подумать, а не рассмотреть ли работу Латышева на предмет докторской диссертации? На это выступил Николай Константинович Осипов и сказал, что о докторской говорить несерьёзно, а кандидатская налицо хорошая. Оппоненты - Брюнелли и Фаткуллин и ведущая организация - Иркутский университет дали прекрасные отзывы без сколько-нибудь существенных замечаний.

— Послезащитный банкет был где-то в ресторане в Черемушках, стол был богат - Галка постаралась, а гостей оказалось меньше, чем предполагалось, из-за удалённости от ИЗМИРАНа. Были Брюнелли, Мизун (он оказался здесь в командировке), Осипов с женой, Фаткуллин, наверное, кто-то из наших, калининградцев... Поздравляли Костю, перепало и мне - научному руководителю. Я был горд - первый блин и не комом! Давно ли защищался сам - пять лет всего лишь назад, и вот - первый кандидат наук из-под моего научного руководства. Правда, считать Костю своим учеником я не мог: работали мы вместе, как коллеги, напарники, чему-то учил его я, чему-то учил меня он. Просто я был уже защищённым, а он ещё нет. Но и все обязанности научного руководителя я добросовестно выполнил.

— За банкетным столом речь неизбежным образом зашла в конце концов и о Гостреме, об его изгнании из обсерватории, вспоминали его выходки, его кличку "Гангстрем", что он в самом деле похож на гангстера. А Борис Евгеньевич рассказал, что слышал от Мигулина такую характеристику Гострема в ответ на мнение, что Гострем - хороший организатор: он, мол, хорош как инициатор, зачинатель, поджигатель он отличный, но от его костра до пожара недалеко..., а вот как руководитель никуда не годится. Что ж, с этим можно было согласиться. Но только, наверное, когда Мигулин привёз Гострема к нам в Ладушкин, такая точка зрения у него ещё не выработалась.

— После того как Гострем окончательно ушёл из обсерватории и освободилась его ставка - пятьсот рублей! - появилась возможность принять в обсерваторию нужных нам людей. Высвободившийся фонд зарплаты мы поделили между подразделениями Иванова, Саенко, Лаговского и моим, то есть группой проведения наблюдений (Иванов), бывшим сектором разработок, а теперь лабораторией экспериментальных исследований (Саенко), группой ЭВМ и автоматизации (Лаговский) и группой моделирования (Намгаладзе). Я получил возможность перевести из университета в обсерваторию, в свою группу кого-либо согласного на должность младшего научного сотрудника с окладом в 120 рублей в месяц.

— Претендентами, в сущности, были только двое - Володя Клименко и Володя Смертин, уже работавшие непосредственно со мной и получавшие в университете ненамного больше этой суммы - рублей 130 или 135. Захаров, Суроткин, не говоря уже о Латышеве,

получали больше. Компенсация за малость оклада в обсерватории состояла в свободе от Гострема, в стабильности положения - всё-таки бюджетная, а не хоздоговорная ставка, работа, в здоровом, скажем так, коллективе, а для Клименко ещё и в надежде на квартиру. В принципе на переход согласны были оба, но, когда пришла пора решать окончательно, Смертин замаялся, задумался... и принят к нам был Клименко, который не колебался.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)